

КРИСТИНА
АМАРАНТ

АЛКСА
ПОЖИДАЕВА

16+

РАЗВОД

ПО-ЭПСИЛОНСКИ

**Алиса Пожидаева
Кристина Амарант
Развод по-эпсилонски**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67984166

SelfPub; 2022

Аннотация

Я была молода и мне были нужны деньги. Знаю, звучит как паршивая отмазка, но именно так я очутилась на одной из самых закрытых планет Галактического союза. Задание выкрасть секретные документы с самого начала казалось непростым. Но по-настоящему невыполнимым оно стало, когда меня увидел местный диктатор – царь и бог этой отсталой планетки... Пресвятые кварки, когда я успела стать его невестой?!

В тексте есть: #от ненависти до развода #нелюбовь и воздержание #горячее динамо для властного героя

Содержание

Глава 1, в которой я с треском вылетаю. Но это не точно...	4
Глава 2, в которой происходит близкий контакт первой степени	12
Глава 3, в которой я меняю статус	22
Глава 4, в которой я знакомлюсь с мистером “Лучший стручок Галактики”	33
Глава 5, о значении пластической хирургии в народном хозяйстве	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кристина Амарант, Алиса Пожидаева Развод по-эпсилонски

Глава 1, в которой я с треском вылетаю. Но это не точно...

– Сколько-сколько? – переспросила я у ректора. – Здесь, кажется, лишний ноль.

Он оскорбленно поджал губы.

– Никаких лишних нулей. Тридцать тысяч галактов, мисс Кеннис. Обучение в Марсианском Галактическом Университете Межпланетных Отношений стоит недешево, но оно того стоит. Мы – единственное аккредитованное учреждение в человеческом секторе космоса, которое дает подобные бесценные знания...

Ну все, в ход пошли клишированные фразы из рекламного ролика.

Я терпеливо выждала знакомую до последней запятой хвалу в адрес родного альма матер. К третьему курсу любой студент МГУМО способен отбарабанить ее без запинки.

– Полностью согласна. Но почему я не могу доучиться?

Ректор закатил глаза.

– Я еще раз повторяю вам, мисс Кеннис! Ваше обучение финансировал фонд Джоша Соборуса, а его деятельность во всем человеческом секторе прекращена. Или вы самостоятельно оплачиваете оставшиеся два года обучения, или покидаете кампус.

– И что: совсем ничего нельзя сделать?

Вообще-то я специализировалась на алиенах и темой диплома брала эpsilonцев. Человеческая дипломатия была у нас факультативом. Но не зря же природа выделила мне синие глаза, два метра ног и ослепительную улыбку!

Я нежно улыбнулась, свела коленочки и сложила на них руки в жесте прилежной ученицы. Можно было еще скомкать подол, но узкая юбка задралась и находилась существенно выше.

– Вы же знаете меня, мистер Баррел. Я – ответственный студент: поступила самостоятельно, без протекции и сторонней помощи. Мои оценки никогда не опускались ниже Б+, а послужной список безупречен. В курении, злоупотреблении и хулиганствах не замечена. Характер стойкий нордический...

А еще обладаю бесценным умением врать и не краснеть. И кутить минуя бдительное око администрации.

– Так неужели ничего нельзя сделать?!

Его взгляд стал неприятно масляным, и я запоздало подумала, что юбка могла бы быть и подлиннее...

– Ну... – протянул ректор и хищно облизнулся. – Пожа-
луй, мы можем договориться...

* * *

В общаге стоял чад кутежа и дичайший угар. По кругу гуляли бутылки с кислотно-неоновым содержимым. В углу булькал и источал клубы ядовито-розового дыма сосуд с ятаврианским слизнем. Дым плавно растекался по комнате, превращая ее в страну розовых пони. Мику Грозовский – худой и нескладный, со слишком длинными руками и ногами, упоенно терзал струны базака и заунывно тянул на одной ноте:

*По астероиду вдвоем с тобой, гуляя, мы идем,
И я курю, а ты кого-то ешь
Нам плазма освещает путь, ты говоришь:
“Хочу вздремнуть”
А я мечтаю убежать, конечно*

*О-о-о-о... зондервяночка-а-а...
Бздынъ.
О-о-о-о... не куси меня-я-я...*

Прямо в центре комнаты в обнимку с торшером, который после недолгих дебатов был назначен исполняющим обязанности шеста, танцевал Такеши. Он упоенно крутил задницей

(к слову весьма неплохой), изображая стриптизера. Остальные участники подбадривали его гоготом и восторженными криками.

“Правда или действие” – суровая игра для настоящих мужчин, слабакам в ней не место.

Обычный вечер в кампусе будущих дипломатов, ничего особенного. Это только на рекламных буклетах непробиваемо серьезные и чопорные студенты ведут вечерами неспешные беседы за чаем.

Пресвятые кварки! Я не готова с этим всем расстаться! Я не доучилась! И руша лысого они меня отсюда выгонят. Я буду сражаться за свое право продолжить... я оглушительно чихнула теряя мысль и рявкнула на Моргана:

– Притуши свою заразу, – чихнула еще раз. – Дышать же невозможно!

Он оторвался от мундштука, недоуменно нахмурился.

– Ты чего?

Ну да, настроение у меня ни в черную дыру. Обычно я сама возглавляю общажный беспредел, а сейчас хотелось сосредоточиться и найти какое-то просто и изящное решение. Но не в таком же бедламе.

– Надымил, говорю! – заорала я, перекрикивая завывания Мику. Тот уже добрался до конца песни и затянул новую, на тот же мотив.

Я сижу и смотрю в чужое небо в имитатор окна

Бздынъ...

И не вижу ни одной знакомой звезды

Потому что звездолет залетел туда

Где туманность закрывает световые следы...

...буду скучать. Даже по остозадолбавшему базаку!

Я повернулась к выходу. Зря пришла. У парней своя особая атмосфера, а мне с таким настроением лучше бы прогуляться. Есть у меня излюбленное место для размышлений.

Свои данные во всевозможные фонды я разослала еще днем, ответа от них ждать можно было целыми циклами и шанс что повезет второй раз стремился к нулю.

Закинув несколько галов на счет межпланетных переговоров я отстучала номер канала “Черной каракатицы” но корабль был или в прыжке, или в тылу вселенной. пришлось оставить короткое сообщение.

И мучительно думать, думать. Что делать дальше? Мысли метались по кругу, не находя выхода.

Так меня и застал Морган.

– Ева, по моему тебе надо напиться...

* * *

Иссиня-черное и горькое, как сама жизнь вино из ягод круники отлично сочеталось с безлюдным кладбищем. Метеорологи расстарались: включили на ночь снег – он рождался в погодных установках где-то под крышей купола и па-

дал мягкими хлопьями на памятники, выполненные в форме шаттлов колонистов. Где-то в глубине мелькнул силуэт до боли похожий на легендарную космическую станцию “Мир”.

– А потом он полез мне под юбку, и я разбила ему нос, – мрачно завершила я рассказ.

– Что, прямо вот так взяла и разбила? – восхитился Морган.

– Угу...

Не зря же я ходила на курсы самообороны на кафедре близких контактов четвертой степени, а до того Эди учил меня защищаться. Думала это пригодиться только парней в барах отшивать. Или при дипломатических переговорах – они у эпсилонцев проходят порой весьма нервно. Но когда мистер Баррел недвусмысленно схватил меня за задницу тело действовало само. Руку на болевой и локтем в нос. В мясистый породистый ректорский нос.

Да уж... пригодилось. О чем вообще думают люди, когда лезут к девушкам занимающимся на курсах эпси?

Что было дальше вспоминать не хотелось. Старый козел орал и обещал написать такую характеристику, что во всем Млечном Пути для меня не найдется вакансии выше уборщицы.

Заливал конечно, я уже сейчас могла назвать полтора десятка мест, где меня с удовольствием возьмут на работу и плевать им на характеристики. Но я хотела доучиться, а потом еще пройти углубленный курс. И для этого мне нужны

были галакты. Целая куча галактов.

– В общем отрабатываю практику, а дальше мне велено проваливать, – я ухмыльнулась, с мрачным удовольствием вспоминая как хрустел ректорский нос. И отхлебнула прямо из горла. Терпкая горечь обожгла небо, прокатилась по пищеводу. Снег кружился в воздухе, падал на запрокинутое лицо и таял, стекая каплями по коже и непромокаемой куртке.

– Короче, тебе нужны деньги, – подытожил Морган.

– Деньги всем нужны, но есть одно но, – я подняла палец, полюбовалась на маникюр отхлебнула еще вина. – Старик ушел в амбицию. Кровь за кровь и все такое.

Он бы и практики меня лишил, да не имеет права. За этот год обучения уплачено полностью.

Однокурсник хитро улыбнулся.

– Не скажи, деньги действительно нужны всем. Думаю, тысяч десять кредитов на личный счет помогут забыть ему о перенесенном страдании.

От неожиданности я подавилась и закашлялась

– Огласите весь прайс, на избиение ректора МГУМО?!

– Десять тысяч – стандартная практика, – повторил он с совершенно серьезным лицом.

Надо же: никогда не думала, что на удовольствие разбить ректорский нос существует четко утвержденный тариф.

– Плюс еще тридцать оплата за будущий год, итого сорок.

– Только у меня их по-прежнему нет.

И взять негде. Для экипажа “Черной каракатицы” – сорок

кусков тоже немаленькая сумма. А кроме того, разве не я обещала, что отучусь, справлюсь? Заверяла, что не нуждаюсь в опеке, почти легально вписалась в программу фонда Соборуса. И теперь при первой же возникшей на моем пути проблеме мчаться к ним и просить денег – это... руш победы, как плазмоганом по яйцекладу.

Мрачные размышления снова прервал Морган.

– А ты уже выбрала место практики?

– Нет, а что.

– Даже не знаю, стоит ли... – Морган то ли сомневался, то ли набивал информации цену.

– Выкладывай уже, не тяни хотя за пейсы...

Глава 2, в которой происходит близкий контакт первой степени

– Психологические аспекты гендерных взаимоотношений представителей человеческой расы в докосмическую эру, – прочитала я название очередного трактата по психологии людей.

И вздохнула. Тоска.

И такой тоски за прошедшую неделю пришлось перечитывать десятки тысяч страниц.

Космические путешествия, если они не проходят на звездных лайнерах, занятие довольно скучное. Помня об этом, я запаслась книгами по человеческой психологии и этикету. О чем уже жалела.

Нет, люди это все-таки не мое.

То ли дело эpsilonцы. Я развернула окно со своей дипломной, над которой работала почти с начала обучения. На заставке крутилась парочка характерных обитателей Эpsilonа.

Строго говоря, они не эpsilonцы. Уицилоч... уичило... Ох, хотела бы я посмотреть в бесстыжие глаза того, кто назвал планету в честь ацтекского бога войны.

Но все же надо отдать должное: интуиция у любителя ско-

роговорок была на уровне. Космос не знал более воинственной расы, чем жители планеты Уицилопочтли под звездой по имени Эпсилон в созвездии Большой Гиены. Совершенные воины – безжалостные, эффективные и не знающие страха смерти. Думаю, они давно бы завоевали галактику, если бы не... некоторые физические особенности.

С экрана на меня скалил зубы миниатюрный зверек, отчаянно напоминающий земную панду. И даже кожаный передничек и зажатый в лапе дуршлаг (между прочим, страшное ритуальное оружие) не добавляли ему внушительности.

А если вспомнить, что ростом эти пушистые машины для убийства чуть больше енота, то невозможно сдержать умильную улыбку. От четырех до восьми килограмм концентрированной свирепой няшности способны покорить самое очерствелое сердце.

Взгляд сам собой выхватил строки:

“Процедура развода, как и прочие аспекты межгендерных взаимодействий, предельно ритуализирована. Желая разорвать брак эпсилонка нападает на своего партнера. Нападение может произойти неожиданно, без предупреждения – поскольку действие происходит между супругами, официальный вызов не является обязательным требованием. Одержав победу в схватке самка должна уложить самца на лопатки и символически надругаться. Плюнуть, связать, побрить хвост и т. д. (см. список символических унижений в приложении № 2). При уходе супруга имеет право забрать

из общего имущества все, что способна унести на себе.”

Ну прелесть же!

Если я когда-нибудь сойду с ума настолько, чтобы выйти замуж, то разводиться в случае чего буду именно по-эпсилонски.

* * *

Транспортник галактического Дипломатического Ведомства Галактического Содружества тащился по подпространству в сторону небольшой охряно-серой планеты, накручивающей обороты вокруг звезды седьмого спектрального класса.

К моменту выхода из подпространства в рубку сползлись все пассажиры. Из динамиков лилась незамысловатая мелодия на пять нот, прерываемая нудным “Ваш запрос в диспетчерскую службу Савона будет обработан первым освободившимся оператором, ваша позиция в очереди 52-я” но на большом экране радара кроме нас на орбите кружило едва ли три грузовоза.

– Тут всегда так гостеприимно? – я подошла к куратору и заняла одно из кресел.

– Автономия, – вздохнул Ян Гродецки, – После получения независимости, местечковые царьки, мнят себя богами. И всячески демонстрируют превосходство над вчерашней метрополией.

– Но у них есть унобтаниум.

– Именно.

Седовласый дипломат смерил меня тяжелым взглядом, и в который уже раз предложил:

– Может откажешься? Я поставлю тебе зачет по практике, улетишь вместе с Марком.

Разговор этот заводился не впервые. Когда я заявила на кафедру подавать прошение о практике на Савоне секретарша, тут же поджала губы и глянула презрительно, будто я предалась разврату прямо в преподавательской. Уже тогда я заподозрила неладное в предложении Моргана, но пятьдесят тысяч галактов задавили сдавленный писк интуиции.

Комм мигнул, на экранчике высветилось: “Вас приглашают в чат “Черной каракатицы”. Принять/отклонить”.

– Извини, семейный вызов, – буркнула я, заканчивая спор. И сбежала в каюту.

Принять.

Чат пискнул.

Ури: “Евка, мышка моя! Привет! Ты писала?”

Сигнал был слабенький: о звуковой или тем более полноценной видеосвязи не стоило мечтать. Но покадровые фото канал поддерживал. Экранчик отобразил хитрую лисью морду и задорно торчащие уши. Неизменные очки для работы с виртуальными пространствами сдвинуты на затылок и не падают только чудом.

Ева: “Писала. Как вы?”

Набирая эту фразу, я расплылась в улыбке. Один вид фур-

ри всегда действует на меня, как нехилая доза транквилизаторов, приправленных мимимишками.

Невозможно представить команду “Черной каракатицы” без этой наглой рыжей морды. Весельчак и неисправимый оптимист, источник сомнительных креативных идей, которые то вовлекали наш бедовый экипаж в дикие истории, то вытаскивали из бездонных задниц.

Ури: “У нас всё стабильно!”

Чат вторично пискнул – подключился ореец Рикардо. Перья механика топорщились, клюв горестно поник.

Рикардо: “Стабильно плохо. Катеньку поломали!”

Следом прилетела картинка раскуроченного двигательного отсека в котором неразобранной осталась только обшивка и то не везде.

Я тихо выругалась. Знаю, что не первая авария – жизнь межзвездных контрабандистов полна не столько романтики, сколько вот такого опасного дерьма. И все равно – жалко до слез.

Сколько раз сама чинила, перебирала детали, стояла рядом с Рикардо в роли “Подай, принеси, пшел вон”. Вон там, на корпусе дальней турбине до сих пор след от моего лазерного резака. Отличилась, когда ореец в первый раз доверил мне – криворукой неумехе – опасное оборудование.

Как Рикардо потом ругался! Клекотал, хлопал крыльями и разве что не плевался (исключительно потому, что клюв для этого действия не приспособлен), обещая что на парасек

не подпустит к родному двигательному отделению. И это при том, что орейцам агрессия в принципе не свойственна, все конфликтные вопросы они решают танцами.

Ева: “Что случилось?”

Ури: “Возникли непреодолимые разногласия с коллегами”

Рикардо: “Да жажнули эти ... по нам из главного калибра”

Ури: “Ли пытается сейчас выбить кредит в счет будущего контракта, чтоб заказать недостающие детали. Взял с собой каменюку Эда для большей внушительности. Но в этой дыре ничего нет в наличии”

За спиной его что-то беззвучно взорвалось. Ури зашипел и пропал с экрана. Готовит, наверно. Когда кэп на борту, он его на выстрел из фотонной пушки к камбузу не подпускает.

Ева: “А вы где?”

Рикардо: “На “Магнитной розе” -

Говорят, что у пернатых нет мимики. Нагло врут, по крайней мере в том, что касается разумных пернатых инопланетян. Набрав ответ, Рикардо сделал такое лицо, будто десять поколений птичьих предков завещали ему ненавидеть захудалую орбитальную станцию в секторе Гаммы Псов.

Я прикинула расстояние до них и приуныла. Даже если быстро сдам практику смотаться к парням и отработать пару денежных контрактов просто не успею.

Картинка с Ури мигнула, и фурри снова появился в кадре,

подергивая меховым ухом и облизывая усы.

Ури: “Евка, ты чего грустная, случилось что?”

Врать нехорошо, но грузить ребят сейчас своими проблемами еще хуже.

Ева: “Всё отлично. Практика впереди, думала мало ли вы недалеко, так пересеклись бы. Меня на Савон распределили.”

Ури: “Савон, Савон... ничего не помню, кроме того что у них полно унобтания и есть диктатор. Привези нам его, а?”

Ева: “Диктатора?”

Ури: “Унобтаний!”

Ева: “Да хоть весь”, – я выдавила улыбку.

Ури: “Мышка не грусти, Рикардо свистит, что из этой дыры мы уйдем только пешком, но ты же знаешь Рика”

Знаю. Ореец паникер. Его пессимизм приятно уравнивает безудержный оптимизм Ури.

Ева: “Держите в курсе, парни, я по всем дико соскучилась”

Я попрощалась, выслушала пожелания хорошо кушать, ность шапочку, и быть хорошей девочкой, переждала волну всеобщего хихиканья и прервала сеанс.

На душе стало легче и появилось ощущение. что я со всем справлюсь. Они моя семья.

* * *

Зря пугали.

Сложнее всего на планете не помереть от скуки.

– Если Дирк не появится тут через 30 секунд, то мы улетим без него, – недипломатично бесновался мой куратор в холле невысокого светлого особняка.

– Можете взять помощницей меня, – именно в надежде на подобный исход я и вертелась рядом с шефом каждый раз, когда он собирался на переговоры.

– Даже не думай! Я уже объяснял почему.

– Из-за призрачной опасности стать угнетенной женщиной востока? – я непочтительно хмыкнула.

– Да! Я уже спрашивал, хочешь ли в гарем богатенького функционера из местной элиты. И раз не хочешь – сиди в дипмиссии, – отмахнулся Гродецки и переключился на запыхавшегося помощника: – Дирк! Последнее, что может себе позволить дипломат – это опоздание!

Они снова уехали без меня, осталось только кусать локти.

Нет, я вполне сознавала почему меня держат взаперти. Женщина в представлении местного населения была некоторой разновидностью движимого имущества. Примерно как верблюд или флаер. И увести бесхозную животину (или хотя бы мимоходом попользоваться, если уж лох-хозяин оставил ее без присмотра) не считалось чем-то уж слишком зазорным.

Полный мрак и средневековье! На расстоянии пары сотен световых годков из марсианского купола все представлялось каким-то... более радужным. В галанете мелькали фот-

ки местных жительниц – озорные веселые девчонки в купальниках и неглиже. Вот только нигде не уточнялось, что последнее подобное фото сделано аж тридцать лет назад. В то блаженное время, когда Савон еще был колонией.

Так что я очень даже понимала шефа. Если бы не деньги, сама сюда не сунулась. Но раз сунулась, надо работать, а не загорать на крыше и смотреть местные каналы!

Тем более, что они скучны до зубовного скрежета.

Половина савонского контента – нудные мыльные оперы. Про любовь, для девочек. Про крутых нагибаторов, для мальчиков. Остальное эфирное время отводилось патриотическому воспитанию населения.

Политическая повестка сводилась к воспеванию местного диктатора, отца нации Великого-и-Ужасного, Светозарного и Богоравного Карима аль Иляхия. На каждом углу висели портреты и фотографии могучего и непогрешимого – холеный лоснящийся самец смотрел с кадров высокомерным взглядом. То ли падший демон, то ли профессиональный мошенник, изображающий черного мага.

Минула уже третья неделя, почти половина практики позади, а я едва ли пару раз выходила за территорию.

* * *

Климат тут конечно своеобразный.

Когда пришедший к власти диктатор объявил о независимости, терраформирование еще не было завершено. Проиг-

равшая войну метрополия с территориальными претензиями согласилась, но в отместку свернула процесс и демонтировала дорогостоящее оборудование.

В итоге планетка осталась пустынным шариком, с островками суши окруженными слишком соленым океаном. Жаркие до одури дни, холодные ночи, когда температура после заката буквально за минуты обрушивается ниже нулевой отметки. Зато мягкие закатные и рассветные часы. Именно в это время удастся пробежать на плоскую крышу здания посольства, чтобы получать абсолютно ровный загар.

Летающего транспорта в городе я почему-то не видела, все ездили на наземном а то и на запряженных каким-то тягловым животным повозках. Вернее, не видела до сегодняшнего дня.

Флаер пронесся над крышей с легким стрекотом, заложил вираж и вернулся. Завис, блестя обтекателями, заслонил солнце. Лобовое стекло оставалось непроницаемо-темным – режим односторонней видимости. Тот, кто сидел внутри, мог разглядеть меня во всех подробностях. Да и не только разглядеть – две фронтальные камеры флаера с тихим жужжанием навелись на мое едва прикрытое в стратегических местах тело.

Это уже наглость. Стыдиться мне нечего, но бесплатной моделью для местных вуаеристов я не нанималась. Так что накинула простынку, показала таинственному пилоту флаера средний палец и уползла в прохладные недра дома.

Глава 3, в которой я меняю статус

Неожиданные перемены произошли уже на следующий день. Гродецки сидел в кабинете, Дирк привычно жался за своим столом в углу.

– Сбылась твоя мечта, мы приглашены на бал-помолвка-прием, – буркнул он вместо приветствия.

– И даже я?

– Велено мужчинам явиться со спутницей. Поскольку все наши прошлые попытки встретиться с кем-то старше помощника Карима Великого Светозарного и прочая прочая, не увенчались успехом, а тут личное приглашение, то ты идешь с нами.

Скрыть счастливую ухмылку не получилось. Да я особо и не старалась.

– Рано радуешься, – предупредил босс. – Моя воля – сидела бы тут. Великому-светозарному как раз нравятся такие как ты, светленькие и заводные.

– Я не его подданная. Согласно пункту пять соглашения о сотрудничестве Савон признает права и свободы граждан Галактического Союза, а также их равенство независимо от пола, расы или планеты рождения.

Я отбарабанила это без запинки. Еще после первых предупреждений шефа тщательно проштудировала все законы на данную тему и свои права знала на отлично.

Городецки только скептически хмыкнул.

– Будем надеяться...

* * *

Местный стиль можно охарактеризовать двумя словами. “Дорого-богато”. От обилия золоченых поверхностей скоро заболели глаза. С количеством золота в интерьере могли поспорить только драгоценные камни, которыми тут, инкрустировали все, абсолютно все. Даже интересно посмотреть на местные унитазы.

Стоило нам пересечь порог, как разговоры замерли, а все взгляды сразу обратились в нашу сторону. Потом толпа медленно расступилась, освобождая проход. Где-то на другом конце зала маячил Великий-и-Ужасный, восседая на троне, вырубленном из цельного голубого топаза.

Ой, что-то мне это не нравится.

– Держись за мной, – прошипел Городецки, беря курс на Карима.

Я последовала за ним, старательно изображая из себя ве-тошь. Проходочка вдоль глазающих аборигенов получилась неудобной. Они... пялились. Разглядывали беззастенчиво, как инопланетную фауну в ксенопарке.

И это несмотря на то, что оделась я в полном соответствии с местными представлениями о моде. Длинный рукав, воротничок под горло и юбка в пол. И платок на голове. Вполне годится для съемок в рекламе, призывающей пить молочный

коктейль в качестве противозачаточного. Не до и не после, а вместо.

Но на нас все равно глазели. Даже не на нас – на меня.

Несмотря на кондиционированный воздух по спине поползла липкая капля пота.

Если это продолжится, с мечтой потихоньку отползти от Городецки и найти терминал с доступом к местной локалке придется распрощаться.

Чего они так пялятся, как будто первый раз видят что-то с сиськами? У них что – своих баб нет?

Строго говоря, уже лет тридцать, как нет.

Отношение к женщинам, как к домашней скотине, в купе с развитыми технологиями планирования семьи привели к тому, что девочек на Савоне почти не рождалось. Ну какой полноценный человек захочет, чтобы у него вместо настоящего ребенка завелась домашняя зверушка?

Проблему нехватки баб суровые местные парни решили просто: импортировали. Залежи унобтаниума делали даже самого задрипанного жителя планеты более чем обеспеченным по меркам Галактического Союза. Всем полноправным гражданам полагался гарантированный доход просто за то, что они родились здесь.

Космос большой, бедных планет хватает. Несмотря на подчиненное и откровенно унижительное положение местных дам, очередь из желающих приобщиться к красивой жизни не оскудевала.

Кому-то из прибывающих туристов везло найти свое место в гареме одного из самцов, прочие оседали в борделях, для работы по профессии, которую поэтически называют “древнейшей”.

Кстати, тут ведь не просто прием, а помолвка. Интересно, чья? Кто невеста? Я скользила взглядом по закутаным в слои ткани фигуры и не находила между ними никаких принципиальных отличий.

Вот именно, что никаких.

– Они что – все после пластики? – шепотом уточнила я у шефа.

И все под один стандарт. Неестественно пухлые губы, впалые щеки, выпирающие скулы, бледная кожа.

– Да, бодимодификации женщин в последние двадцать лет вошли в моду на Савоне, – подтвердил Городецки. – Не отставай!

С невольной грустью вспомнились фотки местных (действительно местных, а не привозных) жительниц времен, когда Савон был колонией. Высокие и низкие, пухленькие и тощие, но все – настоящие. И разные, не вот этот парад клонов.

А всего-то сорок лет прошло и строй сменился.

Нынешние некоренные савонки семенили по залу исключительно в кильватере своих господа и повелителей и глазели на меня с плохо скрываемой завистью.

И как незаметно отлучиться в таких условиях?

“Плевая работка”, – говорил Морган. – “Всего-то дойти до дворца и воткнуть флэшку в терминал”, – убеждал он...

Ладно, Ева, ты же не думала, что это будет легко? Пятьдесят тысяч за плевую работу никто не заплатит.

Я так увлеклась поиском вариантов, что опомнилась только обнаружив нас у подножия трона с Великим-и-Ужасным.

– Мы счастливы приветствовать Великого и Непогрешимого Карима аль Иляхиль, да продлиться его благословенное правление вечно... – начал Городецки. Великий слушал его со скучающим выражением лица, барабанил пальцами по подлокотнику. Я тайком разглядывала его, стараясь держаться в тени шефа.

Ничего такой мужик – холеный, породистый. Нижняя челюсть, которой можно колоть орехи – обычно про такую говорят “мужественный подбородок”, темные брови и пронзительный взгляд. Даже прикрытый одеждой кажется подтянутым и энергичным – явно увлекается тренажерным залом.

“А заодно подтяжками, уколами красоты и всякими сыворотками из слизи симарианского жаброухого пупырыша”, – прикинула я, разглядывая еле заметные мимические морщинки вокруг глаз Благостного. Пожалуй, что Вечноживущий не такой уж и вечный, как пытается убедить своих подданных.

Великий-и-Ужасный произнес что-то на своем языке.

– Имя? – прохрипел динамик универсального переводчика, встроенный над троном.

Вот что значит дипломат старой школы. Городецки не меняясь в лице поклонился и представился повторно.

– Не твое, – скрипнул переводчик. – Ее.

– Да, конечно, – Городецки откашлялся. – Мисс Ева Кеннис – практикант от МГУМО, моя помощница. Очень разумная и ответственная девушка.

Что-то явно было не так. Настораживал сам факт, что переговоры повелись на местном языке, хотя раньше шеф упоминал, что Карим Иляхиль прекрасно говорит на всегале.

Великий-и-Ужасный спустился по ступеням, медленно гипнотизируя меня взглядом. Подошел ближе, встал совсем рядом.

– Не дочь? Не жена? – продолжил допытываться он, рассматривая меня совсем уж плотоядно. На сдержанно отвечающего куратора даже не глядел.

Несмотря на работающую в помещении систему охлаждения, мне стало жарковато...

Парфюм у него был специфический: что-то из местных растений – пряное, сладковатое. Притягательное и отталкивающее одновременно.

И сам он был таким же – притягательным и отталкивающим. Красивый же мужик, если объективно. Но этот собственнический взгляд – как будто собирается схватить и сожрать...

– Е-ва... – произнес Карим медленно. Мое имя в его исполнении звучало резко, как-то гортанно. А переводчик мол-

чал.

Я потупилась и пропищала, что мне очень приятно, и тогда он, наконец, отвернулся, сосредоточив свою подавляющую харизму на шефе. В поднятой руке как будто из ниоткуда возник кубок.

– Будь моим гостем. Выпей. До дна.

Городецки, не дрогнув ни единым мускулом, выпил. По лицу господина посла было совершенно неясно вкусятиной его угостили или жуткой дрянью, и я мысленно посочувствовала шефу. На что только не пойдешь ради работы.

– Благодарю вас, – он вернул посудину. – Так вот...

Карим покачал головой и протянул второй кубок. На этот раз мне.

– Выпей.

Пресвятые кварки, что-то не хочется.

Но взгляд шефа выразил все, что Городецки со мной делает, если я сейчас провалю ему переговоры.

Пришлось подчиниться.

Жидкость в кубке была насыщенно рубинового цвета и пахла земляникой. Мне показалось, или шефу поднесли нечто иное?

Я глотнула. М-м-м... а ничего – вкусно! Сладость, терпкость и отчетливые земляничные нотки. Язык слегка защищало от алкоголя – в обманчиво легкой водичке содержалось не так уж мало градусов. Какое-то местное вино?

– Спасибо, – пробормотала я, возвращая кубок.

Зал восторженно выдохнул. Вечеринка продолжалась, в руках правителя появился еще один кубок – уже третий по счету.

– За тебя! – объявил Великий-и-Ужасный, пожирая меня жадным взглядом. Обернулся к свите. – За Еву! Новую подданную Савона и мою невесту.

Что?!

* * *

Нет, не так.

ЧТО?!

Пресвятые кварки, что за нахер тут твориться?!

Примерно это я и спросила. Только вежливо

– Будешь моей женой, – повторил божок местного разлива на родном языке. – Радостью моих чресл, халвой моего сердца.

Я с подозрением покосилась на универсальный переводчик, не доверяя своему знанию языка, но тот был неумолим..

– Отрадой моей спальни, услодой моего жезла...

– Не буду, – совершенно искренне ответила я, посчитав все прозвучавшее вопросом.

Великий и Благостный изволил нахмурить лицо.

– Вы, наверное, не так меня поняли... – начал Городецки, но его моментально оттеснили. А меня поставили на возвышение рядом с тронem, доходчиво намекнув, что где-то здесь теперь мое место и покинуть его, не нанеся “жениху” психо-

логической травмы не получится.

И понеслись поздравления...

Поговорить с послем удалось эдак с полчаса спустя, а перед этим пережить поток славословий и восхищения, льющегося на нас. Ну... как на нас? На Великого и Ужасного. Его поздравляли с выбором, восхищались прозорливостью, восторгались мудростью, преклонялись перед силой. Причем некоторые буквально на колени падали. Универсальный переводчик раскалился, пытаясь донести до меня суть происходящего, но не справлялся. Однако и без перевода было ясно, что народ выбивает себе преференции под шумок, пользуясь хорошим настроением правителя.

С возвышения мне было видно, как куратору что-то старательно объясняет Саад Махаль – советник и правая рука Прекраснейшего и Прозорливого. Но все попытки сойти со своего места на возвышении за тронном пресекались парой молчаливых одноййцевых мордovorотов..

Отпустили меня, только когда Могучий и Непогрешимый повелительно махнул унизированной перстнями лапищей и отбыл куда-то за сияющий трон. Мне напоследок достался еще один раздевающий взгляд и многозначительное:

– Жду!

"Не дожدهшься" – подумала я и пошла выяснять отношения с начальством.

Начальство вид имело задумчивый и чуть виноватый. И смотрело не на меня, а куда-то поверх головы. Да так при-

стально, что я обернулась. Мордовороты следовали в двух шагах позади.

– Я надеюсь, мы уже можем покинуть этот гостеприимный дом, – моим ласковым голосом можно было отравить пару водоемов.

Взгляд Городецки стал совсем уж виноватым, но ответил мне не он.

– Нареченная невеста владыки не может..., – мягко начал Саад Махаль – советник и правая рука Прекраснейшего и Прозорливого – мягко уводя нас к нише в одной из сверкающих инкрустацией стен.

– Я согласия не давала.

– Если Владыка, – опустил лишние эпитеты советник, – выбирает себе женщину из подданных, то она даже не мыслит отказаться, осиянная светом его бесконечной Красоты и Мудрости, к коей её выпало счастье припасть как к живительному источнику...

– Только я не подданная, я гражданка Межгалсоюза и согласно уложению... – оседлала я любимого конька, но осеклась, наткнувшись на тяжелый взгляд Городецки, – Что?

– Видишь ли Ева, – аккуратно начал он, – Была поднята одна из древних традиций...

Ну да, очень древних, учитывая что с момента освоения Савона едва ли прошла сотня лет, подумала я, но вслух этого не сказала

– Так вот чаша благого вина, с каплей крови подобного

богу владыки, что была преподнесена им добровольно по велению сердца, – куратор явно цитировал «древний» документ, – поднимает одеяемого благостью до уровня подданных его... Короче, такая упрощенная процедура принятия гражданства.

– Говорила мне тетя Джени, не бери конфетку у незнакомых дядь, и подозрительные напитки в злачных местах, – пробормотала я. Нас конечно учат держать себя в руках, но вот конкретно сейчас в руках хотелось держать какую-нибудь старинную вазу. И то исключительно для того, чтобы расколошматить ее об пол.

– Отказ был бы смертельным оскорблением, – невозмутимо сообщил советник. – Вам пора готовиться, а мы с вашим дальним родственником пока скрепим достигнутые договоренности документально.

Так вот почему вид у куратора был таким виноватым: меня как-бы немножечко продали. Видимо задорого. «Родственник» кивнул, кинул на меня взгляд, в котором метровыми буквами бегущей строкой был призыв вести себя благоразумно.

– Мы навестим тебя.

И они удалились.

То есть меня.

Тут.

Бросили?

Глава 4, в которой я знакомлюсь с мистером “Лучший стручок Галактики”

Прямо из зала меня увели в уже подготовленные для “невесты” покои. Я сперва рассмотрела мысль оглушить сопровождающих и сделать ноги, потом рассмотрела свой конвой и передумала. Мордовороты выглядели ровно так, как должны выглядеть суровые профессионалы под завязку напичканные имплантами. А фанатичный блеск в глазах и золотые полумесяцы на воротнике выдавали в них “драконов” – элитных бойцов, которых отбирали еще в младенчестве и науськивали на абсолютную преданность Владыке.

Все что оставалось – это запоминать повороты, стараясь мысленно составить карту местности. Обстановка во внутренней части дворца несла все тот же отпечаток нездоровой кичливой роскоши, стиль “бешеный султан” с редкими вкраплениями высоких технологий.

– Вот! – чопорно объявил советник, прикладывая руку к сенсору. Дверь с плавным шипением скользнула в сторону. – Покои невесты Владыки.

Я покосилась на открывшийся проем, как пасть на инопланетного монстра, куда мне предлагали прыгнуть. Вспомнила, духовно богатых дев в галанете, которые с пеной у рта

доказывали, что сила женщины в ее слабости, и наклонилась к советнику поближе.

– А может сначала осмотрим весь дворец? – немного помолчать, и добавить с придыханием. – Пожалуйста...

И лучезарная улыбка. Лучезарная, а не людоедская, Ева!

Эх, жаль платье не то. Ни груди, ни ног не разглядеть. Но советник все равно всю дорогу на меня пялился – разве что глазами не облизывал.

Советник сглотнул, покосился на “драконов” и решительно попятился.

– Невесте надлежит ожидать визита Владыки в своих покоях.

Входить в них еще сильнее расхотелось, но под бдительными мужскими взглядами пришлось.

– Омой тело и переоденься в домашний наряд, дабы усладить взор повелителя, – напутствовал на прощание советник.

Дверь за спиной скользнула на место и мигнула, сливаясь со стеной. Замуровали, сволочи!

Ради интереса шлепнула ладонью по сенсору и не удивилась красному сигналу в ответ. Просто так меня отсюда никто не выпустит.

Отвлечшись от двери, я занялась изучением своей камеры.

На каком-нибудь пятизвездочном лайнере эти покои потянули бы на номер класса “супериор”. Не выше, потому что

комната всего одна, если не считать гигантской ванной с мраморной чашей, в которой можно устраивать заплывы.

В спальне размером с небольшой стадион доминировала кровать. Даже не так – Ее Величество Кровать, настоящий сексодром, не оставлявший иллюзий, где я по замыслу дизайнера покоев должна проводить большую часть времени. Также имелся туалетный столик с кучей элитной косметики и гардеробная, забитая вызывающим полупрозрачным белишском и костюмами в духе “газель сераля”. Все новое, с бирочками и, судя по этикеткам, из лучших бутиков Эльдаса.

Учитывая, что все это роскошество было четко моего размера, в голову начали закрадываться нехорошие подозрения.

Я воспряла было духом, обнаружив у дивана искусно замаскированный экран, но энтузиазм быстро сменился унынием, когда терминал радостно вывалил на меня полный список доступных мыльных опер – просто мечта скучающей домохозяйки. Также к моим услугам были видеогайды по уходу за собой, медитации и достижению внутренней гармонии. При попытке зайти хотя бы в местную локальную сеть на экране вспыхивала красная табличка “Введите код доступа”.

Коммы у нас отобрали еще при входе во дворец.

Скорчив для сторонних наблюдателей зверскую рожу, я проорала “Свободу угнетенным” и швырнула пузырек с парфюмом в стенку. Хрупкий флакон разлетелся, в воздухе

повис приторный запах жасмина и мускуса – такой ядреный, что аж слезы выступили. Недовольно зашумела система очистки, ликвидируя последствия моей маленькой диверсии.

Но главное было сделано: объектив камеры под потолком покрылся сетью трещин. Я стянула с головы платок, вынула шпильки. Надавила на еле заметный паз, отстегивая ультрамодное навершие в виде микросхемы. И занялась сборкой.

Тридцать секунд и флэшка размером с ноготь с беспроводным интерфейсом лежала на ладони.

Вредоносная программа на этой малютке способна взломать систему безопасности диктаторского дворца, выкачать нужные данные, и удалить следы своего присутствия – легко и безвозвратно. Достаточно подключиться к местной локалке.

Вот только проблема: у терминала в спальне не обнаружилось ни беспроводного, ни физического интерфейса.

Мягкое шипение сервоприводов двери застало врасплох. Я дернулась и выронила драгоценное устройство. Квазар ему в сопло!

– Разве тебе не сказали переодеться?

Великий, Солнцеподобный и прочия-прочия вошел в комнату, ступая бесшумно и мягко, словно хищник.

Сам он сменил парадный костюм на домашнее, сейчас на светоче и надежде всея нации был только халат, расшитый неимоверным количеством драгоценностей, что придавало

диктатору некоторое сходство с увешанной гирляндами новогодней елочкой. Из-под халата торчали мускулистые мужские ноги. Загорелые и, пожалуй, даже красивые, но их вид совершенно не добавлял спокойствия.

В желудке заняло от сосущего чувства опасности, волосы на теле поднялись дыбом.

– Сказали, – осторожно ответила я, понятия не имея, как вести разговор со своим “женихом”. – Спасибо, мне вполне удобно и так.

До зуда хотелось подобрать флешку, но не ползать же по ковру под пристальным взглядом местного диктатора в поисках шпионского устройства.

Глаза Карима недовольно сузились.

– Переоденься! – уже прямо приказал он красивым и звучным, хорошо поставленным голосом человека, который явно привык ораторствовать. – Прятать такое тело от моего взгляда – преступление. Худшим будет только демонстрировать его другим.

Говорил диктатор, кстати, на всеобщем. И говорил просто отлично. Даже легкий акцент казался скорее нарочитой фишкой, манера томно растягивать слова, перекатывая на языке протяжное “p-p-p”. Как рычание тигра.

К чему был этот балаган на приеме – непонятно.

– Честное слово: у меня там ничего особенного, все как у всех, – пробормотала я, отступая. – Две ноги, две сиськи, один пупок. Не на что посмотреть...

Он изумленно приподнял бровь.

– Что?!

– То ли дело марсианские бодиморферы, – вдохновенно продолжала я, разглядывая ковер в поисках флэшки. – У них по три сиськи, а у некоторых даже по шесть, в два ряда...

Его передернуло.

– Какая гадость! Нет ничего прекраснее нормального женского тела. Раздевайся, я хочу увидеть его наяву.

– То есть раньше вы видели его исключительно во сне? – пробормотала я, попятившись еще немного.

Идиотская ситуация! Чувствую себя героиней одной из тех самых мыльных опер для домохозяек. Уже прямо вижу название – что-нибудь в духе “Пленница для звездного султана”.

Моя соседка по общаге буквально обожала их, смотрела запоем, громко сморкалась в бумажные платочки и представляла себя на месте красавицы-героини. Я же предпочитала истории о приключениях авантюристки Кэт – расхитительницы гробниц.

Плохо, когда с тобой сбываются чужие мечты.

Я стрельнула взглядом вправо, влево. По всем законам жанра где-нибудь в углу полагалось стоять вазе, которую я, защищая свою честь, обрушу на голову диктатору. Но, похоже, что местный солнцеликий смотрел те же мыльные оперы, что и Машка. Единственный предмет декора – золоченая статуя вставшего на дыбы льва, весила как три меня и была

привинчена к полу.

– Не во сне.

Он щелкнул пальцами и экран терминала вспыхнул сам собой. Я с некоторым обалдением увидела на нем небо, крышу посольство и женскую фигурку в очень знакомом купальнике...

Картинка с жужжанием приблизилась. Девушка в кадре скорчила недовольную рожицу, прикрылась простыней. Подняла в сторону камеры оттопыренный средний палец и ушла, виляя бедрами. Экран мигнул и погас.

Вот так.

Пока я ошалело переваривала новость, что, оказывается, я не случайная жертва любвеобильности владыки, а великий меня еще неделю назад присмотрел, взгляд блуждал по пестрому ковру. Зацепился за что-то темненькое, скользнул дальше, вернулся...

Флэшка! Она, родненькая. Теперь бы только подобрать незаметно.

Могучий и Похотливый сделал еще шаг ко мне, и каблук диктаторской домашней туфли с размаху опустился на начиненный микросхемами приборчик.

“Крак!” – сказали мои надежды на пятьдесят тысяч галактов, а Карим даже не запнулся. Пер, как танк по пересеченной местности.

Каюсь, в этот момент мне захотелось убивать. Просто невероятно, до зуда в пальцах. И позиция была такая удоб-

ная. Диктатор как раз рывком преодолел разделявшие нас метры, чтобы устроить свои лапищи ровно на талии.

– Отойдите!

Я знала минимум три способа вывернуться из этой позиции и взять его на болевой. И примерно представляла фигуру в которую меня скрутят "драконы" по первому же писку Величайшего и Непогрешимого. А то и без писка, мало ли какие у него средства коммуникации с охраной. Тиран ведь должен быть параноиком?

И вообще: когда я последний раз была мужчину вне тренировочного зала меня едва не отчислили из универа. И может еще отчислят.

Мысли, что из гарема вообще не выбраться я даже не допускала. В голове навязчиво вертелась древняя сказочка, про доисторическую выпечку полную глютена и быстрых углеводов, которая сбежала не только от изготовителя, но и от целой серии потребителей. Я от родичей ушла, и от Министерства Воспитания ушла. И от тебя, Властный и Любвеобильный, уйду.

Но для начала надо отбиться. А тиран уже ощупывал балахон на предмет застешки. Благословенна будь технологичная ткань с зарастающим швом.

Представитель самовлюбленной планетарной тирании недовольно сопел, оглаживая меня через одежду. Сейчас ведь рвать начнет и того и гляди преуспеет, кто его знает, может тут не только у охраны мода на мышечные усилители

и прочие имплантаты.

Думай, Ева, думай.

Это товарищ не привык ни в чем себе отказывать и конкретно сейчас он собирается не отказывать себе во мне.

Я решилась, выдохнула и кинулась на грудь тирану всея Савона.

Применять психологические практики, которые штудировала за время полета и сидения в посольстве.

* * *

– И тогда любимый дядя Сэдрик, – (в черной дыре я видела этого козла похотливого), – сказал бабушке Марне, той что двоюродная по материнской линии, это та у которой бернский кранкодав, помните, я рассказывала...

Язык уже немного заплетался: шутка ли полтора часа тараторить историю свой родни с перерывами на плач и морализаторские баечки, которыми меня якобы пичкали.

Первые полчаса еще приходилось попутно ускользать от домогательств, но потом Непогрешимый и Светозарный откровенно притомился и подрастерял желание вытрясти меня из платья.

Теперь он сидел на кровати и внимательно слушал, а я заискивающе заглядывала ему в глаза и продолжала:

– Так вот он (дядя, а не пес) отлучит меня от семьи, если я запятнаю честь. Честь – самое важное для девушки. Поручишь ее и все: станешь грязной шлюхой навсегда, уже не

отмыться. Потому что приличной девушке невестно предаваться разврату с кем либо кроме супруга. И если я хотя бы подумаю...

Я всхлипнула особенно драматично и покосилась на него – не переигрываю? Но тиран внимал внимательно.

– И я не смогу больше вернуться в родовое поместье... – (в квазар этот барак, где нигде не укрыться от доставучей родни). – Я больше не увижу ни тётю Изабель ни близнецов Рики и Тики, – (мерзкие слизняки, как они отравляли мне детство). – Ни любимого кузена Энди. Мне тогда только в окно броситься остается. В общем, до свадьбы нельзя-а...

И я непритворно разрыдалась, вспоминая «любимую» родню.

Именно за кузена меня и пытались отдать в мои неполные шестнадцать. А уж пощупать не брезговали и раньше. Пришлось действительно выброситься в окно. Благо всего два этажа. Неделю добираться с оказией до космодрома и прятаться там, пока не подвернулся подходящий, как мне тогда казалось, транспортник.

– Так ты девственница?! – глаза тирана загорелись от восторга.

– Именно, – соврала я. И захлопала ресницами, стараясь сделать как можно более девственное лицо.

– Так это совсем другое дело! – на прекрасном лице Великого и Могучего отразился не менее могучий энтузиазм, и я невольно подалась назад и соскользнула с сиятельных ко-

лен. Не люблю, когда на меня смотрят, как на сочный кусочек шашлыка.

– П-почему?

– Давненько у меня не было натуральных!

– А какие еще бывают? – осторожно спросила я.

– Восстановленные конечно, – пояснил он как маленькой, – Этих у меня целый дворец!

И махнул рукой, намекая на наличие вокруг гипотетических невидимых девственников.

От этого движения развязавшийся в пылу нашей борьбы халат распахнулся, демонстрируя демонстрируя накаченное тело, при виде которого Аполлон удавился бы от зависти. Каждая мышца проработана на загляденье, все подбритое, загорелое и разве что не блестит от масла.

То, что болталось (а в данный момент величественно покоилось) чуть ниже шикарно рельефных кубиков вызвало ассоциации с порнороликами и андроидами для секс-услуг. Слишком уж идеальный, не бывает таких в природе.

Говорят, на Укалане, в секторе Девы ежегодно проводится конкурс красоты среди членов. Нет, не правительства, а просто. Так вот у младшего друга диктатора были все шансы занять первое место. Размером, гладкостью и правильностью формы Карим-младший вполне тянул на эталон. И даже звание “Самый красивый орган размножения в галактике”.

– Нравится? – горделиво спросил диктатор, оценив куда направлен мой взгляд.

– Интересная штучка, а есть у нее какое-то практическое применение? – ляпнула я, а потом старательно покраснела.

Было у меня воспоминание, неизбежно вызывающее такую реакцию: первая встреча с эпсилонцем. Я гордая своими навыками драк в космобарах пришла на занятие по рукопашной на первом курсе, усмехнулась, едва мне показали нашего тренера – пушистого прямоходящего зверька немногим больше енота. Сама вышла вперед, и через несколько мгновений оказалась носом в татами, с заломленной за спину рукой и когтистой лапкой у горла обозначавшей добивающий удар. На заднице при этом расползлись вспоротые беспощадным тренером штаны. И было очень, ну просто очень стыдно.

Даже сейчас. Я быстро отвернулась, закрыв лицо ладонями. Раз уж я девственница, то надо реагировать соответственно.

– Разумеется, – он надулся от гордости и щелкнул пальцами. Карим-младший дернулся и вскочил, заняв строго вертикальную позицию на двенадцать часов. И замер таким стойким оловянным солдатиком.

Я взвизгнула и шарахнулась в сторону. Слишком уж внезапной и пугающей была трансформация. Приличные члены так себя не ведут.

Пальцы сами собой потянулись к бластеру на поясе. Въевшиеся в подкорку инстинкты орали, что если на тебя что-то резко выпрыгивает, надо стрелять, а не разглядывать.

Бластера, разумеется, не обнаружилось. А потом до меня дошло в чем фокус, и я взглянула на Карим совсем другими глазами.

Отметила характерную припухлость век и чуть расширенные зрачки. Уже почти незаметную тонкую ниточку шрама внизу живота, аккуратно рядом с великим и могучим достоинством и микроскопические проколы на сгибе локтя с внутренней стороны – следы инъекций.

Имплант! Причем совсем свежий.

Пресвятые кварки, нафига? Ему же не в порно сниматься.

Интересно, что еще умеет вживленная под кожу умная электроника, кроме как вставать по щелчку? Вибрировать? Петь песни? Готовить кофе?

– Ой, оно живое.

– Естественно, – голос Камалы стал ниже, вкрадчивей: – и ты очень скоро ощутишь насколько.

В черной дыре я видала такие знакомства. Вслух этого конечно говорить не стала, слишком уж шаткое у меня положение, если этот почетный дефлоратор решит познакомить меня поближе с Каримом-младшим, то придется пробиваться с боем.

К счастью обошлось.

– Идем, – подал он руку. Я почти повелась, но рядом с рукой по-прежнему топорщился эталонный член. Пришлось снова вспыхнуть и отвернуться.

Бесстыдного и Членоносного это не смутило, да и суще-

ствует ли вообще что-то способное его смутить? Он символически запахнул халат и прищелкнул пальцами снова – топорщащееся орудие дефлорации послушно улеглось в состояние покоя. Удобно...

Глава 5, о значении пластической хирургии в народном хозяйстве

На этот раз мы шли по дворцу в экскурсионном темпе. Медленно и величественно, чтоб я успела впечатлиться, насладиться и проникнуться. Обилие золота и драгоценностей выглядело почти варварским, без претензии на утонченный вкус. Ярко, блестяще, безумно дорого.

Но гаремовладелец желал впечатлять и я послушно хлопала ресницами и озиралась сложив губки в восторженное “о”. Пока не заметила, как он на приоткрытый рот алчно пялится. Пришлось умерить восторги. Мне конечно не жалко, но и оказаться в ближайшем алькове с недвусмысленными целями не хотелось. Нужно было потянуть время, и хорошенько осмотреться. Не Городецки поможет, так хоть сама пути отступления найду.

Живых людей, помимо киборгоподобных “драконов” мы встретили лишь единожды. Очередная богато изукрашенная арка открылась в зал с несколькими мозаичными бассейнами. Свет из высоких окон дробился и преломлялся в воде, отражался от глянцевого дна, плясал по стенам и по телам женщин, отдыхавших среди кадок и завес с зеленью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.